

и.Крянка
коза
и трое
козлят

~~и. Крянга~~

**Коза
и
трое
коз
лят**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КАРТА МОЛДОВЕНЯСКЭ»
КИШИНЁВ * 1965

М1
К85

ПЕРЕВОД С МОЛДАВСКОГО Г. ПЕРОВА
РИСУНКИ Л. ДОМНИНА

ЖК

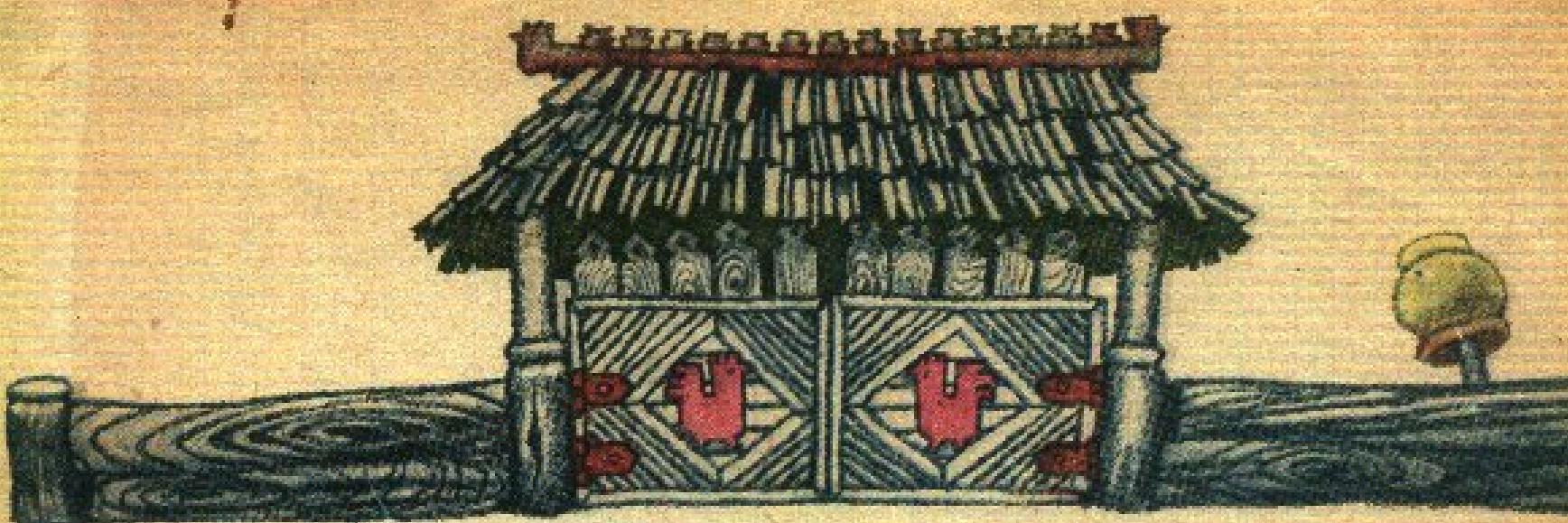
ила-была коза с тремя козлятами. Со старшим и средним сладу не было — уж такие проказники и не-поседы, а младший прилежным и послушным удался. Как говорится: пять пальцев на руке, и все разные.

Позвала однажды коза своих козлят и говорит:

— Детки мои! Я в лес пойду, вам еды принесу. А вы дверь за мной заприте и никому, глядите, не отпирайте, пока голоса моего не услышите. Как приду, сразу по песенке узнаете. Вот что я вам спою:

Детушки, козлятки,
Отоприте хатку.
Ваша мама пришла,
Молочка принесла,
И ещё вам несёт
Свежей травки
Полный рот,
Чечевицы
На копытце,
Меж рогов
Пучок цветов,
А под мышкой
Мамалыжку.

- Слыхали, что я сказала?
- Да, матушка, — ответили козлята.
- Могу я на вас положиться?
- Будь покойна, матушка, — сунулись вперед оба старшие. — Сказано — сделано.

— Ну так, дайте расцелую вас на прощанье, родные мои! Да хранит вас господь.

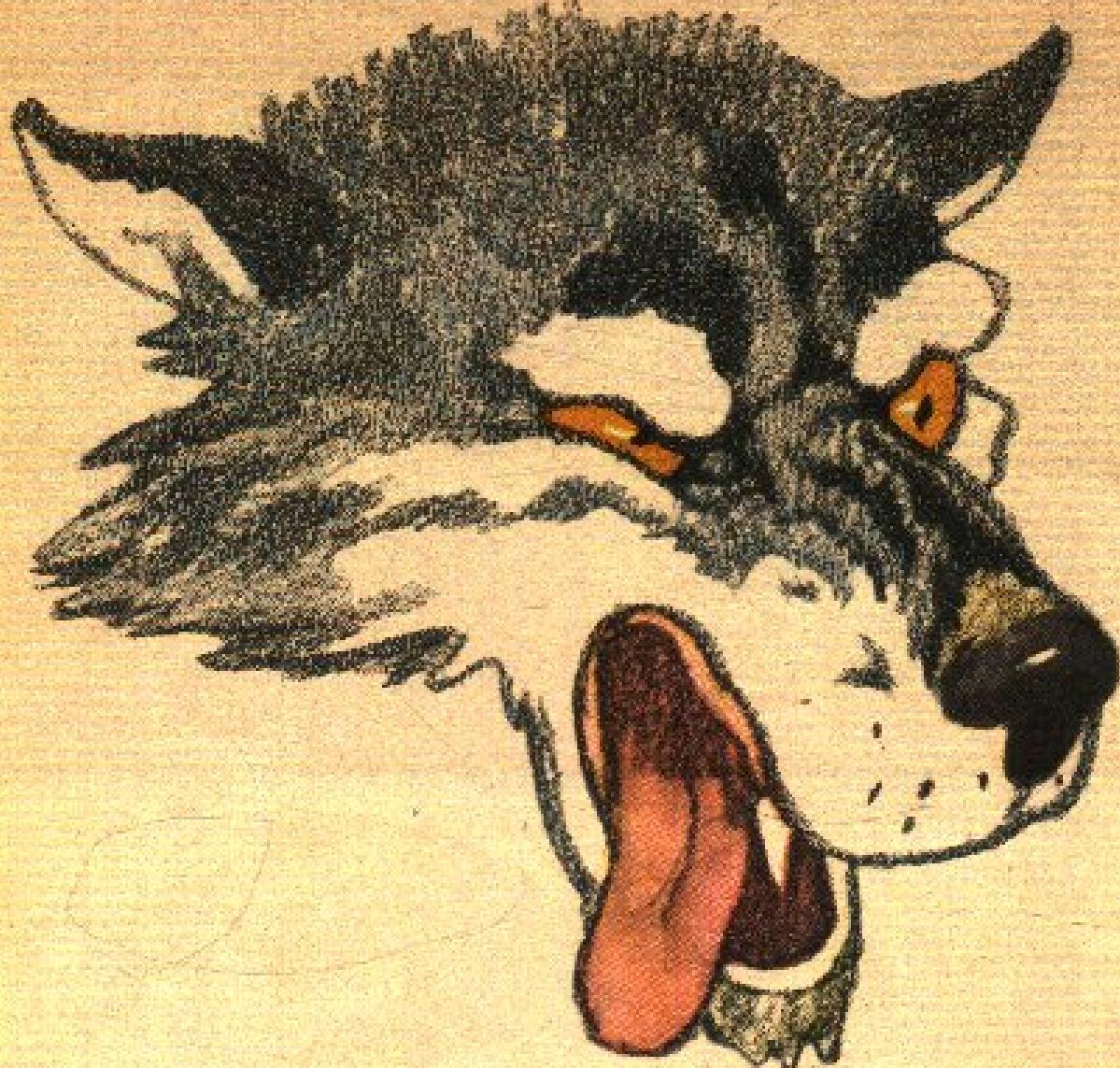
— Добрый путь, матушка,— со слезами на глазах ответил меньшой,— и да поможет тебе господь поскорее вернуться и нам еды принести.

Пошла коза в лес, а козлята дверь за ней закрыли, засов задвинули. Но ведь не зря говорится: стены имеют уши, а окна — глаза. Разбойник-волк, — да, знаете, какой? — тот самый, который козе кумом доводился, давно уже ждал случая схватить козлят. Вот и подслушал он теперь, притаившись за козьей хаткой, как мать-коша детушек своих наставляла.

„Вот и приспело моё время, — подумал он. — Только бы грех их толкнул дверь мне отворить, а там уж будет прок. Мигом с них шкурки сдеру!“

Сказано — сделано. Подходит волк к двери, песенку запевает:

Детушки, козлятки,
Отоприте хатку,
Ваша мама пришла,
Молочка принесла,
И ещё вам несёт
Свежей травки
Полный рот,
Чечевицы
На копытце,
Меж рогов
Пучок цветов,
А под мышкой
Мамалыжку.

— Ну-ка ребятки, бегом открывайте! Бегом!

— Братцы! — закричал старший козлёнок. — Быстрее отпираите, матушка нам еды принесла.

— Не отпиряйте, братцы, — взмолился младший, — а то худо придётся. Это не матушка. Я по голосу узнаю. У матушки нашей голос не такой хриплый, а приятный и тоненький.

Услыхав такие слова, отправился волк к кузнецу, вслел себе язык и зубы оточить, чтобы голос у него стал тоньше, и снова стучится к козлятам в дверь, напевает:

Детушки, козлятки,
Отоприте хатку...

— Ага, слышите? — говорит старший. — И зачем только я вас слушаюсь? „Не матушка это, не матушка...“

Кому же быть, как не ей. И у меня ведь уши есть. Пойду отворю.

— Братец! Братец! — снова закричал младший. — Послушай меня. Мало ли кто придет и споёт:

Скорее откройте,
Пришла ваша тёта!

Что же, и тогда отпирать будете? Вы же знаете, что наша тётушка давным-давно умерла и в прах обратилась бедняжка.

— Ну что, разве не говорил я? — рассердился старший. — Хорошее дело, когда яйца курицу учат... Станем мы матушку столько времени за дверью держать! Нет, пойду и отопру...

Младший тогда проворно юркнул в печную трубу, ногами в шесток упёрся, носом в сажу уткнулся, молчит как рыба, дрожит со страха как осиновый лист. Средний же шмыг под квашню, съёжился в комок, как мог. Молчит, как земля, с перепугу шерсть на нём дыбом: кто бежит — не герой, зато живой! А старший у двери стоит: отпереть, не отпереть? Всё-таки отодвинул засов... и посмотреть-то, кто там, не успел, бедняжка,

ибо у волка с голодухи глаза сверкали и в животе урчало. Раз-два, впился зубами волк козлёнку в горло, голову оторвал и так его живо сглотнул, будто на один зуб ему было. Облизнулся потом смаично и стал по хате шарить, приговаривая:

— То ли почудилось мне, то ли впрямь я несколько голосов тут слышал? Но, что за чёрт, словно сквозь землю провалились... Где же они, где?

Заглянул туда, заглянул сюда — нет козлят, да и только!

— Чудеса в решете! Что же мне делать-то? Впрочем, некуда спешить, дома нечего косить! Лучше присяду вон там, дам отдохнуть старым костям...

Кряхтя и охая, уселся кум на квашню. Сел, и то ли квашня скрипнула, то ли кум чихнул, но только козлёнок под квашней не стерпел. Видать, бедняжку грех толкал и „спина чесалась“!

— На здоровье, крестненький!

— Ах ты... ах ты, ироказник! Вот где пристроился? Иди, дорогуша, к крестненькому, он тебя расцелует!

Приподнял волк квашню, вытащил козлёнка за уши, и только клочья шёрстки полетели от бедняги! Как говорится: всякая пташка из-за своего же языка и гибнет.

Пошарил-пошарил волк по хате, авось еще что раздобудет, но больше ничего не нашёл: младший сидел смир-

нёхонько, молчал как рыба. Видит волк, что нечем больше поживиться, другое задумал: выставил обе головы в окошках — морды зубы оскалили, словно смеются; после вымазал стены кровью, чтоб ещё больше козе насолить, и пошёл восвояси.

Как только разбойник убрался, младший козёнок тут же из трубы выскочил, накрепко засов задвинул. Шерсть стал на себе рвать, горько плачет, по братцам своим убиваются:

— Братцы мои! Кабы не послушались волка, не съел бы он вас! А бедная матушка и не знает, какая с вами беда стряслась!

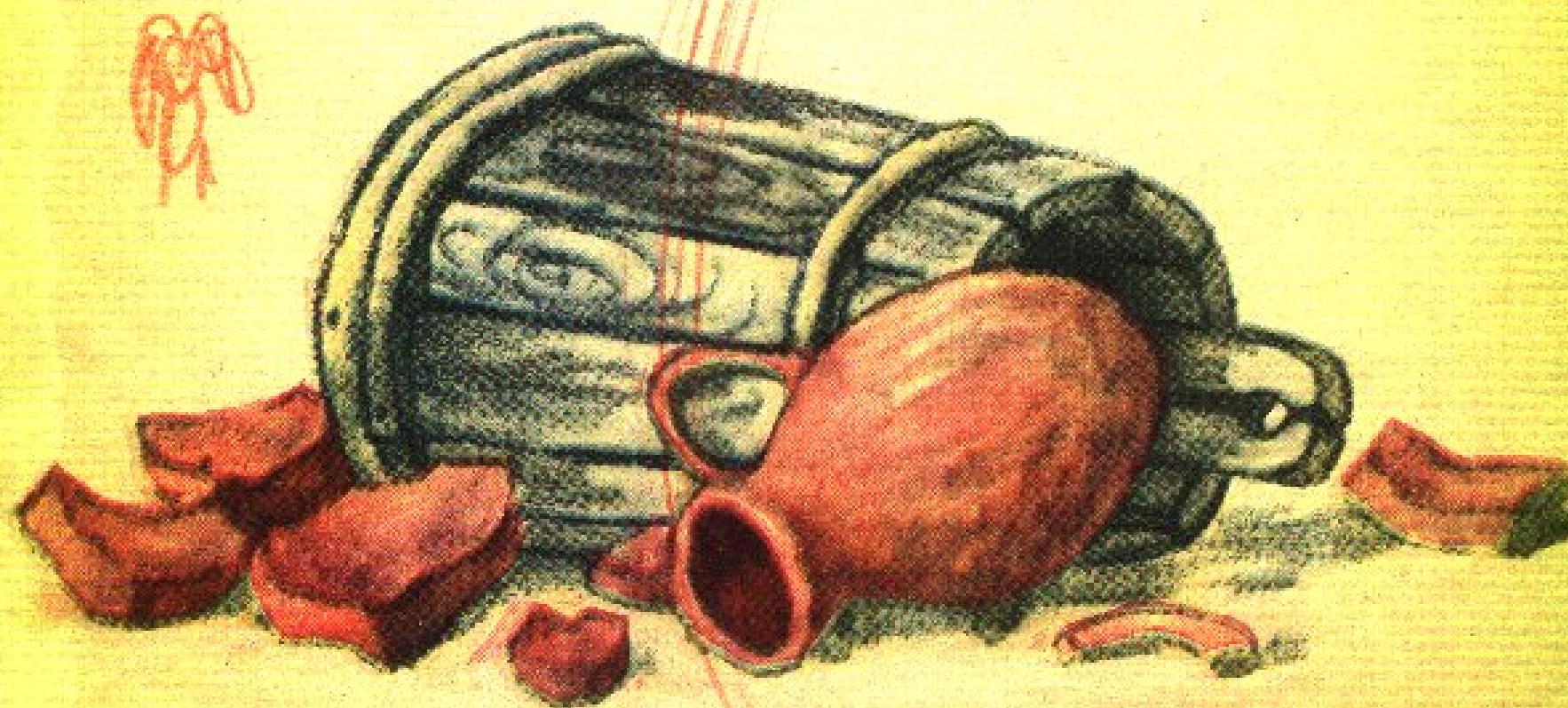
Причитает он, причитает, едва чувств не лишился.

Но что же тут поделаешь? Не его вина, что братцы сами на рожон полезли. А пока он стонал да плакал, коза домой спешила, еду козлятам несла, запыхалась. Подошла к хате, а из окон на неё две головы глядят, зубы оскалив.

— Славные, хорошие детушки мои! Ждут меня, не дождутся, вон как радуются, меня увидев!

Милые мои козлятки,
Как люблю я вас, ребятки!

Радостно на сердце козе. Однако, подошла поближе, — что такое? Ледяной оэноб пробежал по телу, ноги

подкосились, помутилось в глазах. Что это? Может, показалось ей только? Подошла она к двери и зовёт:

Детушки, козлятки,
Отоприте хатку,
Ваша мама пришла,
Молочка принесла,
И ещё вам несёт
Свежей травки
Полный рот,
Чечевицы
На копытце,
Меж рогов
Пучок цветов,
А под мышкой
Мамалыжку.

На её голос выскочил меньшой, — теперь уже был он и старшим и младшим, — дверь распахнул, бросился матушке в объятия, залился горькими слезами:

— Матушка, матушка! Беда с нами стряслась! Горе-горюшко постигло нас.

Повела коза глазами по хате, ужас и трепет охватили её. А потом овладела собой и спросила:

— Что же случилось, детка?

— А вот что, матушка. Как ушла ты из дома, спустя немногого слышим, как кто-то в дверь стучит и поёт:

Детушки, козлятки,
Отоприте хатку...

— А дальше что?

— Старший братец, упрямец и непоседа, сразу побежал отпирать.

— И что же тогда?

— Тогда я живо в трубу залез, средний братец под квашней спрятался, а старший, недолго думая, засов отодвинул.

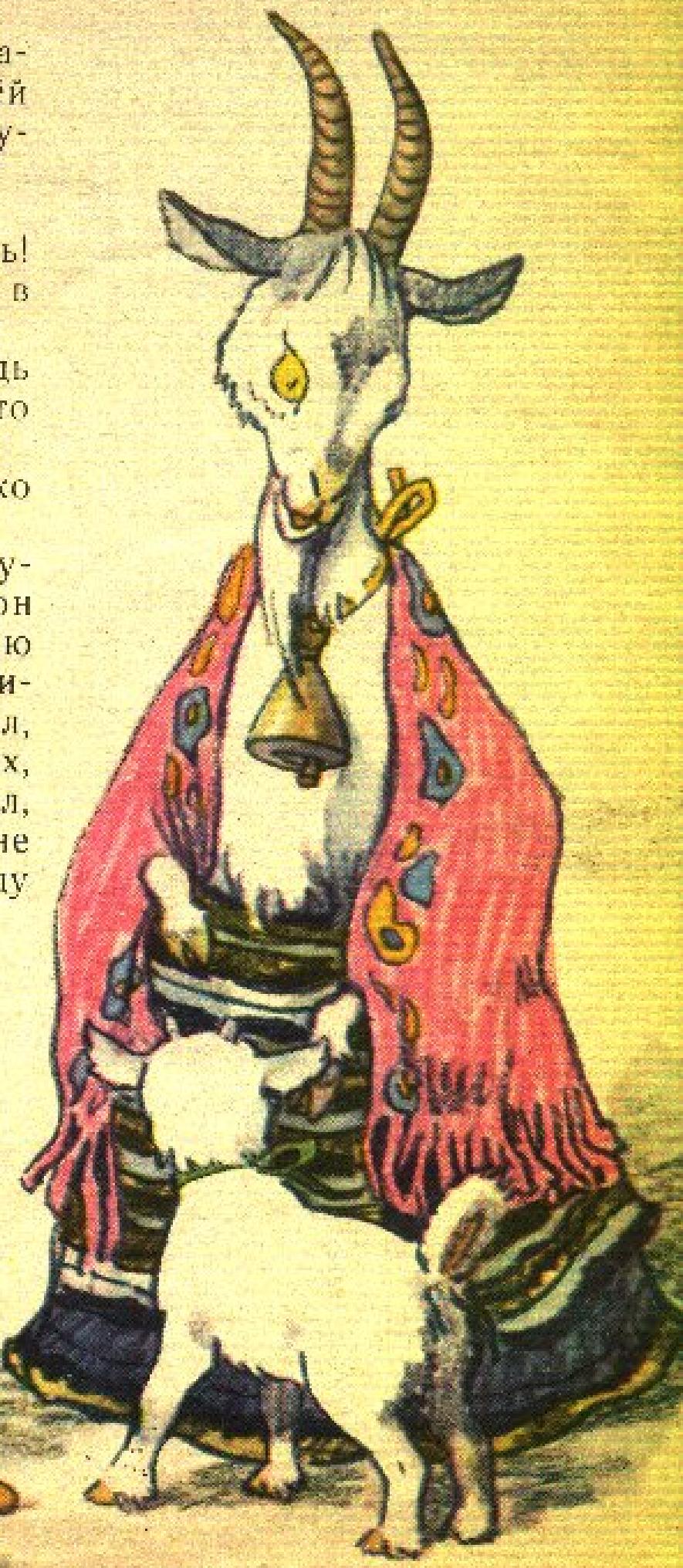
— И тогда?

— Тогда-то беда и стряслась! Волк, наш крестный, забежал в хату!

— Кто? Мой кум? Да ведь он шерстью своей поклялся, что детушек моих не тронет!

— Да, матушка, он! Крепко злодей их тронул!

— Ох и проучу я его! Он думает, если у бедной вдовы полон дом детей, то можно над нею глузиться? С ребяток шкуры сдирать? Нет, куманёк, что посеял, то и пожнёшь! Ах, злодей, ах, разбойник! А ещё зубы скалил, подмаргивал мне... Но только не из тех я, что он думает, отроду

за чужие плетни не перескакивала. Ну, да уж ладно, куманёк, я с тобой посчитаюсь! В мой плуг своих волов впрягать вздумал? Знай же, что без рогов их выпряжешь!

— Ох, матушка, ох! Лучше уж молчи, может, воздастся и ему по заслугам! Знаешь ведь поговорку: и чёрта видеть не хочу, и креста мне не надо.

— Ну нет, сыночек, пока до бога дойдёшь, святые одолеют. Вот тебе моё слово, родиенъкий, не сдобривать злодею! Только смотри, не проговорись кому, чтобы не прорвадал волк, что ему готовится.

И с тех пор искала она случая с кумом расkvиться. Крепко призадумалась коза: как сделать, чтоб ему отомстить.

— Кажется, нашла я на него управу,—сказала она наконец.— Такое ему устрою, что ланы себе кусать будет.

Была перед её хатой яма глубокая. На неё-то и понадеялась коза.

— В дубильный чан тебя, куманёк-волк, не иначе!..
Пришёл час расплаты... А теперь, кумушка-коза, за дело
пора приниматься, задал тебе куманёк-волк работу!

С этими словами подоткнула она подол, рукава засучила, огонь развела и давай стряпать. Наготовила голубцов, пилава, пирогов, куличей на сметане и яйцах и других всевозможных блюд; яму потом угольями горящими и гнилушками наполнила, чтоб тлел под спудом огонь, ветками крест-на-крест накрыла, сверху листьев набросала, а на листья земли насыпала и рогожкой прикрыла. И ещё стульчик восковой смастерила для куманька, дорогого гостя.

Оставила она стряпню на огне, а сама в лес подалась — волка на праздник звать. Идёт по лесу, идёт, возле оврага страшного, глубокого волк ей навстречу выходит.

— День добрый, кума, каким тебя ветром сюда занесло?

— Да будет добрым сердце твоё, как добр твой взгляд. Разве не знаешь, что нужда и на край света может занести? Побывал, видишь ли, кто-то в моём доме, натворил мне бед!

— А что, кумушка милая?

— Козляток одних застал и растерзал бедняжек! Вот что значит быть вдовой беззащитной!

— Да что ты, кума, говоришь?

— Уже теперь говори-не говори — легче не будет. Отправились они, родненькие, к господу богу, и надо нам об их душе позаботиться. Вот и решила я по бедности своей поминки устроить и тебя, куманёк, пригласить, чтоб утешил ты меня, горемычную.

— Охотно, кумушка милая, но охотней к тебе бы на свадьбу пришёл.

— Верю, куманёк, да что поделаешь? Не так оно бывает, как нам хочется, а как всевышнему угодно.

Пошла коза, рыдая, к дому, а волк — за ней, притворяется, что плачет.

— Ах, куманёк, куманёк, — всхлипывает коза. — Что нам всего дороже, то и теряем!

— Что делать, кума, знали бы мы, какая беда нас ждёт, береглись бы наперёд. Да не терзайся так, рано или поздно все там будем.

— Так-то оно так, куманёк, но ведь бедным крошкам моим только бы жить да жить!

— Да, кумушка милая, но, видать, господу богу тоже крошки малые по вкусу.

— Если бы сам господь их к себе прибрал, дело другое... Но так ли это?

— Знаешь, кума, как подумаю... уж не Толтыгин ли к тебе домой пожаловал? Помнится, повстречал как-то я его в малиннике. Вот, говорит, кабы отдала мне коза сыночка скорняжному делу обучать.

Слово за слово, добрались они до кумушкиной хаты.

— Прошу, куманёк, — говорит коза, а сама на рогожку восковой стульчик ставит. — Садись, угощайся, чем бог послал!

И пододвинула ему полную миску голубцов.

Накинулся волк с жадностью на голубцы. Чав-чав! — целиком отправляет их в глотку.

— Да будет козлятам земля пухом, кумушка, уж больно твои голубцы хороши!

Сказал — и бух прямо в яму с горящими угольями: стульчик-то восковой расплавился, а веточки на одном честном слове держались, как раз сколько для дорогого гостя требовалось.

— А ну-ка! Теперь отдавай, волк, что съел! С козой тягаться вздумал? Коза тебя и доконает!

— Ой, кума, ой, горят мои пятки! Скорее вверх тяни, душа горит!

— Нет, куманск! Во мне ведь тоже душа горела, когда козлятки мои погибли! Господу богу, говоришь, крошки малые по вкусу, а мне по вкусу и те, что постарше, были бы только хорошо поджарены. Знаешь, чтобы насквозь огонь их пронял.

— Ой горю, погибаю, кума! Спасай!

— Что ж, гори, куманек, погибай! От тебя добра не дождешься! Пускай же горит на тебе шерсть, которой ты клялся, что летушек моих не тронешь! Помнишь, как клялся, зверюга лютый, бессердечный! А ведь съел-таки козляток моих!

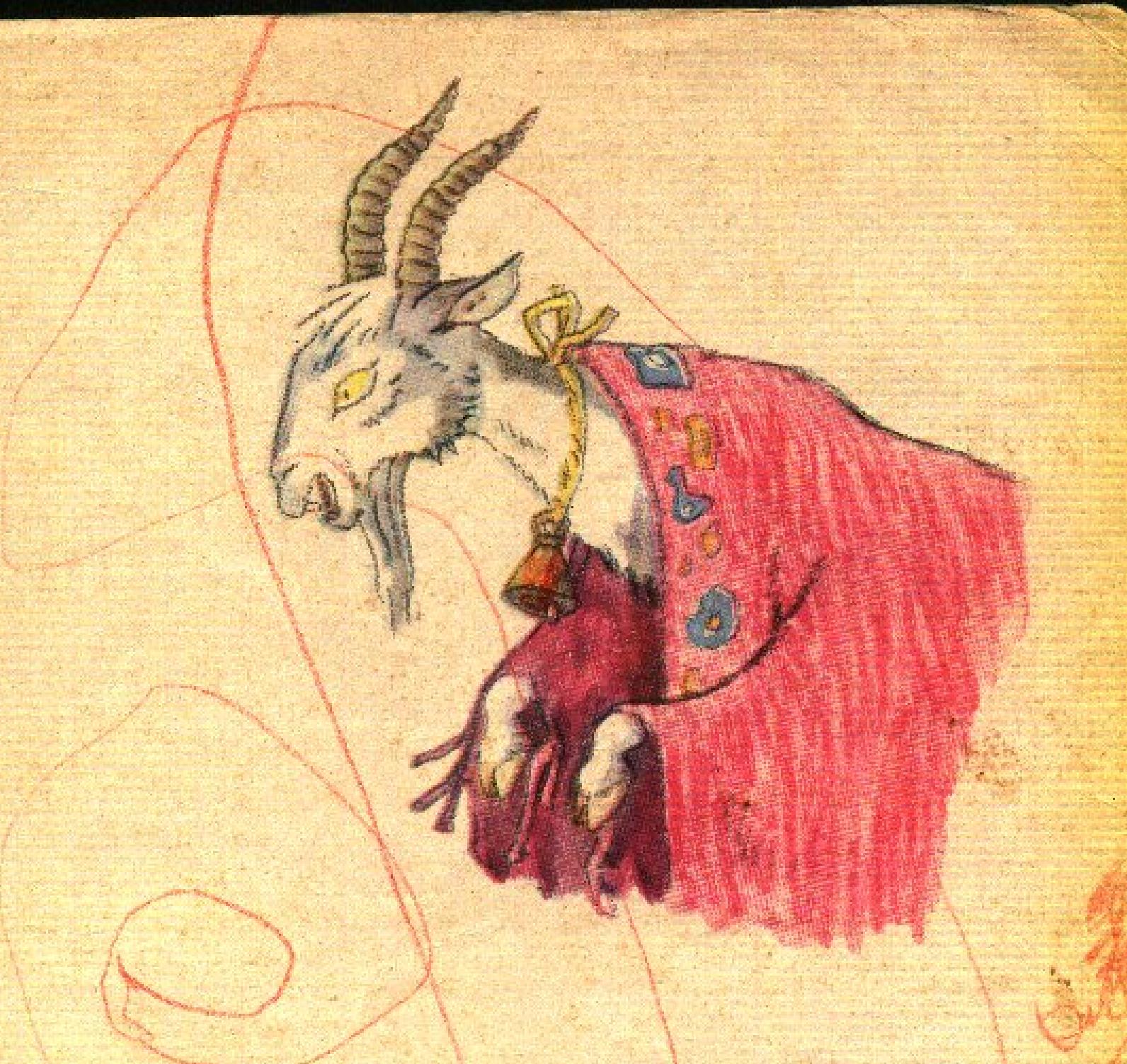

— Ой, жжет, горит все нутро
во мне, кума! Вытащи, смилийся
надо мной!

— Смерть за смерть, куманёк, ожог за ожог! Ведь ишь ты,
словечко какое лавчка из свя-
щенного писания подиустил!

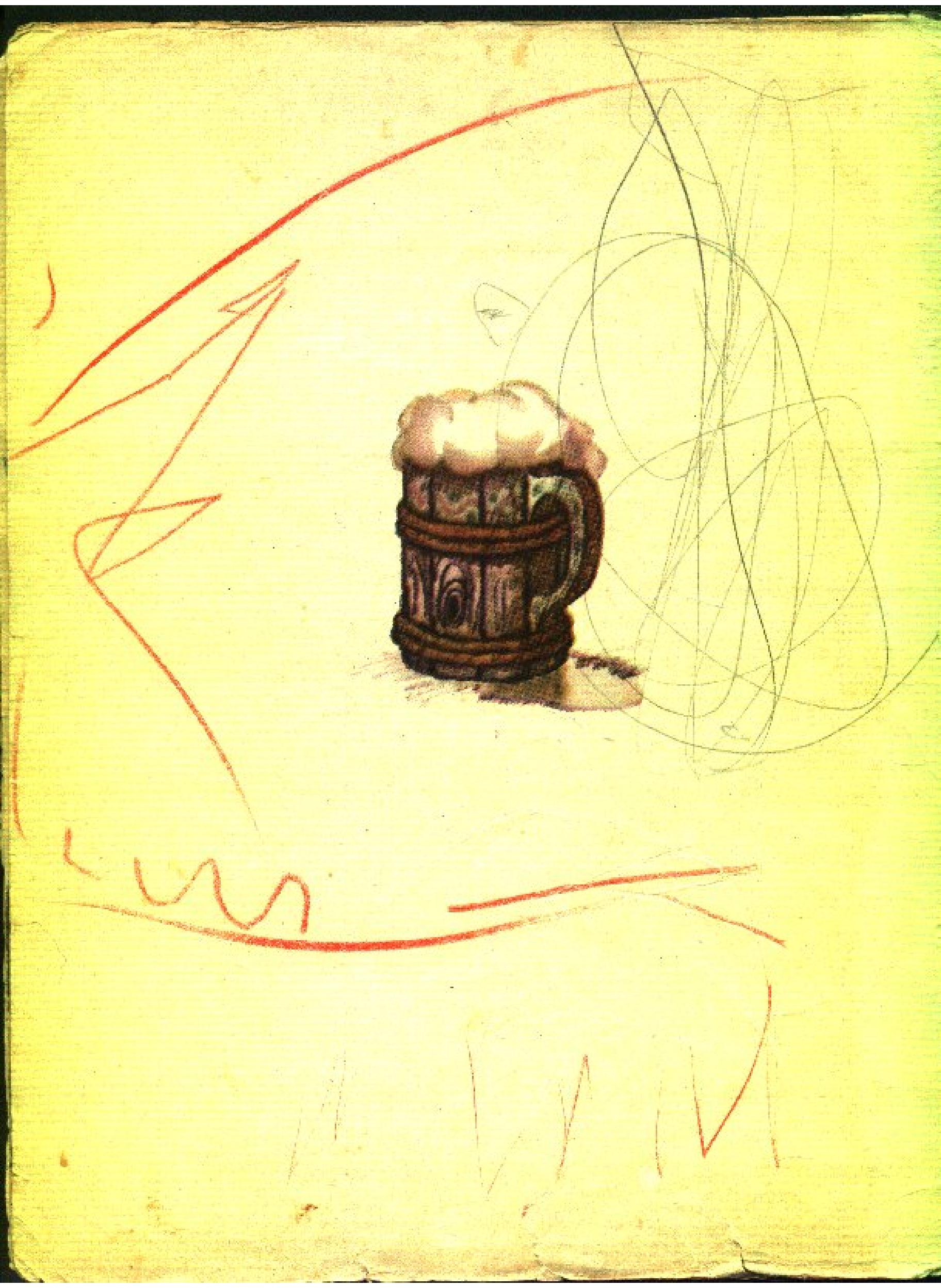
Схватили коза с козлёнком
по охапке сена и в яму на волка
бросили. Потом стали камни в
него швырять и что под руку
падалось, пока не прикончили.
Так-то лишилась бедная коза
двух козлятков своих, зато и
волка, кума своего, утратила!
Не велика утрата!

Услыхали все козы в округе про такое дело, взыграло у них сердце! Сошлись они все на большой пир, стали есть да пить, и такое у них веселье пошло, что и не описать...

И я там был, а как время подошло, сел верхом на седло и поведал все, как произошло; потом колесо оседлал, сказочку вам рассказал; а под конец оседлал чечевицу и понес, люди добрые, несусветную небылицу.

**ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО
И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

Н. Крянэс

КОЗА И ТРОЕ КОЗЛЯТ

Перевод с молдавского Г. Никона. Рисунки Л. Дондича.
Кишинев. «Карта Молдовеняка». 1964.

Редактор Е. Ватажану. Художественный редактор
А. Штаркман. Технический редактор В. Тельпик.
Корректор А. Сирони.

Сдано в набор 30.VI.1964 г. Полиграфии и печати 24/XII.1964 г.
Формат бумаги 60×90 $\frac{1}{2}$. Печатных листов 25. Уч.-нал. листов
тит. 2,10. Тираж 100 000. Цена 15 коп. Зак. № 1395.
Издательство «Карта Молдовеняка»,
Кишинев, ул. Жуковского, 44.

Полиграфкомбинат. Кишинев, ул. Госпитальная, 32.

